

СТАТЬИ

И. И. ЕВЛАМПИЕВ*

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И МИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В. Ф. ОДОЕВСКОГО¹

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, В. Ф. Одоевский, мистическая философия, совершенство человека, бессмертие, иные миры.

В статье подробно анализируются идеи В. Ф. Одоевского, оказавшие существенное влияние на философское мировоззрение Ф. М. Достоевского: идея взаимосвязи человека со всем бесконечным миром и мистического влияния на мир, мысль о приоритете интуиции над разумом в познании, представление о постепенном раскрытии в человеке божественного совершенства и божественного могущества. Особенно подчеркивается совпадение представлений о бессмертии в воззрениях Одоевского и Достоевского: смерть — это не абсолютное прекращение земного существования, а переход в иной мир, подобный земному, где человеку предстоит продолжить свою борьбу за совершенство.

Факт тесного дружеского общения В. Ф. Одоевского и Ф. М. Достоевского хорошо известен и отражен в воспоминаниях множества людей, знавших обоих писателей. Не вызывает сомнений и большой интерес Достоевского к творчеству Одоевского. В связи с этим выглядит достаточно странным, что проблема влияния «русского Фауста», как называли Одоевского, на Достоевского очень слабо разработана в современной литературе, причем существующие исследования посвящены исключительно анализу параллелей между конкретными произведениями писателей и не затрагивают проблему общности философских идей². Оче-

* Игорь Иванович Евлампиев, д-р филос. наук, проф. Института философии СПбГУ — yevlampiev@mail.ru.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 18–011–90003 «Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф. Достоевского и в русской и европейской философии и литературе XIX — начала XX века».

² См.: *Назирова Р. Г.* Владимир Одоевский и Достоевский // Русская литература. 1974. № 3. С. 203–206; *Итокава К.* Владимир Федорович Одоевский и Федор Михайлович Достоевский: Обзор истории сравнительного исследования их творчества и некоторые соображения по поводу еще одной творческой связи «Русских ночей» и «Преступления и наказания». Гумма, 1987 (библиография: С. 41–46); *Фридендер Г. М.* О некоторых очередных задачах и проблемах изучения Достоевского // Достоевский. Материалы

видно, что Достоевский, постоянно стремившийся к насыщению своих художественных произведений философскими смыслами, не мог не заинтересоваться целостным и оригинальным мировоззрением своего старшего современника. Учитывая, что сходство некоторых философских размышлений Одоевского и Достоевского буквально бросается в глаза³, представляется насущно необходимым детальное рассмотрение именно идейного взаимодействия между двумя писателями.

Одоевского традиционно рассматривают как представителя русского романтизма, однако его творчество существенно выделяется на фоне общего романтического движения, как русского, так и европейского. В Россию романтизм пришел первоначально как чисто художественный стиль, философские идеи, связанные с ним, получили распространение в основном в той форме, которую им придали немецкие философы начала XIX в. — И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинг, Г. В. Ф. Гегель и др. Но в творчестве Одоевского на первый план выходят именно философские новации романтизма, органично соединившиеся с идеями немецкой философии той эпохи (прежде всего Шеллинга).

Самая яркая тенденция философии Одоевского — протест против чрезмерного рационализма, который был свойственен просветительской идеологии и научному сознанию конца XVIII — начала XIX в. При всем его интересе к науке и при положительном отношении к техническому прогрессу он полагает, что разум — это только второстепенная способность нашего сознания, а самой главной способностью является интуиция, для обозначения которой Одоевский использует термин «инстинктуальная сила». Интуиция — это непосредственное проникновение в сущность явлений; будучи главной формой отношения нашего сознания к реальности, интуиция должна руководить разумом. Ее наиболее непосредственное выражение, по Одоевскому, дает искусство, «поэзия», в широком смысле этого термина. Но самое важное применение интуиция имеет в философии; если она в этой сфере придет в гармонию с разумом, то породит *окончательную* философию, которая даст полное и глубокое проникновение сознания в сущность мира, человека и Бога. «Все умозрительные системы суть произведения инстинктуальной силы, или самопобуждения, все эмпирические — разума. Совершеннейшая система (о чем недавно догадались) должна быть соединением того и другого; такая система есть высшая философия и вместе высшая поэзия; она в настоящую эпоху еще недостижима; но мы имеем

и исследования. Л., 1980. Т. 4. С. 7–26; Турьян М. А. Русский «фантастический реализм». СПб., 2013. С. 5–18, 124–133, 231–243; Гонсалес А. А. «Живой мертвец» и «Двойник», еще раз о фантастике Достоевского (из наблюдений переводчика) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2016. Вып. 4. С. 170–183.

³ Впервые это заметил В. В. Розанов, однако в качестве примера он использовал только рассуждения о смысле карточной игры и о спиритизме из «Дневника писателя» Достоевского (см.: *Розанов В. В.* Чаадаев и кн. Одоевский // Чаадаев: Pro et contra. СПб., 1998. С. 363–364).

в ней нужду — и оттого поэзия так успокаивает дух наш, оттого поэзия, как говорят, миротворительница; она есть предвестник того состояния человечества, когда все недоразумения и споры прекратятся и человечество перестанет *достигать* и начнет пользоваться достигнутым»⁴.

Как видно из этого высказывания, даже в соединении интуиции и разума интуиция должна играть ведущую роль, поэтому высшая и окончательная форма философии должна быть высшей поэзией. Здесь напрашивается очевидное сопоставление с определением философии в одном из писем молодого Достоевского: «...поэт в порыве вдохновенья разгадывает Бога, след<овательно>, исполняет назначение философии. След<овательно>, поэтический восторг есть восторг философии... След<овательно>, философия есть та же поэзия, только высший градус ее!» (28₁, 54).

На основании сформулированного тезиса Одоевский признает традиционную философию, излагаемую в научных трактатах, только подготовительной ступенью к высшей философии, которая должна быть выражена в художественных текстах, должна иметь форму *философской прозы*. Именно в этом можно видеть характерное отличие творчества Одоевского от творчества как русских, так и немецких романтиков, для которых художественные задачи всегда занимали главное место, отодвигая философские идеи на второй план. Итогом попытки Одоевского создать особую форму художественной философии стал его роман «Русские ночи» (1844); именно в качестве создателя этого произведения Одоевский вошел в историю русской культуры первой половины XIX в. и повлиял на всех русских писателей своей эпохи. Достоевский, который разделял убеждения Одоевского по поводу необходимости создания новой и окончательной формы философии, стал продолжателем этой традиции.

Человек является для Одоевского центральным элементом мироздания, но он же является таинственным существом, несущим в себе непостижимое, загадочное содержание. Именно поэтому рациональное познание не может проникнуть в сущность человека, человек постигает себя только через процесс непосредственного явления в мире своей сущности. Самопостижение через практическое действие в мире, через непрерывные усилия саморазвития, становления себя неким сверхчеловеческим, божественным существом — вот единственный правильный путь для каждого из нас: «...каждый человек должен образовать свою науку из существа своего индивидуального духа. Следовательно, изучение не должно состоять в логическом построении тех или других знаний (это роскошь, пособие для памяти — не более, если еще пособие); оно должно состоять в постоянном *интегрировании* духа, в возвышении его, — другими словами, в увеличении его самобытной

⁴ *Одоевский В. Ф.* Психологические заметки // *Одоевский В. Ф.* Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 279.

деятельности»⁵. Можно предположить, что именно эту модель постижения «тайны» собственной личности через раскрытие себя в деятельности, в непосредственной жизни имеет в виду Достоевский в известном выражении: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» (28, 63).

Но если личность есть центр бытия, и любое знание должно исходить из личности, то человеческая личность должна быть понята в неразрывной взаимосвязи с окружающим миром, со всей бесконечной вселенной. Наше тело занимает во вселенной незначительное место, но дух человека связывает его со всем существующим. Знание, происходящее из такой универсальной духовной связи человека с миром, может быть только интуитивным и «практическим». Чистая теория здесь не достигнет цели, *человек постигает свое единство с миром непосредственно в своем действии на мир, в актах подчинения его своей воле.*

Эта мысль является самой важной и оригинальной в творчестве Одоевского; он был уверен, что человек обладает могуществом, которое полностью подобно могуществу Бога, но это могущество потенциально, человек только постепенно раскрывает его в истории, предсказать и рационально описать этот процесс невозможно. Тем не менее реальность этой цели может быть достаточно надежно доказана на основании того, что указанное состояние могущества человека уже имело место в далеком прошлом и сведения о нем сохранились в различных преданиях, мифах и легендах. Одоевский дает оригинальную интерпретацию мифов, он видит в их основе не чистую выдумку, а фантастическое по форме, но правдивое по содержанию отражение древнейшего периода человеческой истории, в котором человек был всемогущим существом, подобным Богу: «Сохранились предания: когда человек был в самом деле царем природы; когда каждая тварь слушалась его голоса, потому что он умел назвать ее; когда все силы природы, как покорные рабы, пресмыкались у ног человека; неужели в самом деле человечество совратилось с истинного пути своего и быстро, своевольно стремится к своей гибели?»⁶ В другом суждении на эту же тему Одоевский еще более отчетливо говорит о первоначальной божественной сущности человека: «Уже давно истребилось мнение, что иносказания были выдумкой стихотворцев <...>. Что всего яснее видим мы в сих иносказаниях? Божество, снисходящее в человека, человека, возвышенного до степени божества, — словом, необычайную, непонятную нам силу человека. Здесь титаны, воюющие с небом; здесь Сатурн, отец богов, царствующий на земле; Прометей, похищающий божественный огонь; каким образом могли бы войти в голову человека все эти иносказания

⁵ Одоевский В. Ф. Русские ночи // Одоевский В. Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 189.

⁶ Там же. С. 52.

о подобной силе человека, если бы действительные предания не скрывались под ними?»⁷

Человечество каким-то образом «пало» и утратило свое божественное могущество, деградировало к нынешнему состоянию и даже забыло о своих скрытых возможностях. И одной из главных причин нашего радикального несовершенства является утрата значения интуиции, нежелание научного разума признать ее значение и даже главенство над ним: «...ныне сии две силы, хотя существуют вместе, но так разделены, что для разума инстинкт есть бред, для инстинкта разум есть нечто вещественное, грубое, земное»⁸.

Только отдельные личности оказываются способными подняться до утраченной высоты саморазвития и напоминают всем о необходимости вновь встать на путь совершенства. Встав на этот путь, человек в ходе истории снова должен превратиться в сверхчеловека, а человечество — в сверхчеловечество, обладающее полным божественным всемогуществом. Хотя рационально описать этот грядущий процесс невозможно, Одоевский дает его наглядный художественный образ в маленьком рассказе «Два дня из жизни земного шара». Рассказ состоит из двух частей: первая относится к недалекому будущему, а вторая — к будущему легендарному, отделенному от современности на несколько тысяч лет. В обеих частях изображена ситуация, когда Земле грозит уничтожение. В первой части люди узнают, что в Землю должна врезаться огромная комета, и всем очевидно, что у человечества нет шансов выжить. В центре повествования находится старик, который в отличие от остальных людей сохраняет удивительное спокойствие; на упреки своего сына, что он потерял зрение и слух, раз не понимает, что происходит, он возражает: «Напротив, не только сохранил то и другое, но еще сверх того нечто такое, чего нет у вас: спокойствие духа и силу рассудка; будь спокоен, говорю тебе, — комета явилась неожиданно и пропадет так же — и гибель Земли совсем не так близка, как ты думаешь; Земля еще не достигла своей возмужалости, внутреннее чувство меня в том уверяет...»⁹ Вскоре становится ясно, что комета пролетела мимо, и Земля не погибнет. Автор явно намекает на то, что в отличие от всех обычных людей этот старик обладает более глубоким знанием реальности и более глубоким отношением к ней. Может быть, он своим мистическим зрением увидел, что комета на деле не столкнется с Землей, а может быть, даже сам с помощью каких-то неведомых сил повлиял на нее и отвел от Земли.

Первая часть рассказа показывает, что в современном человечестве только очень малое количество людей сумело раскрыть в себе

⁷ Одоевский В. Ф. Психологические заметки. С. 273.

⁸ Там же. С. 276.

⁹ Одоевский В. Ф. Два дня из жизни земного шара // Московский вестник. 1828. Ч. IX. № 14. С. 126.

потенциальные сверхчеловеческие возможности, и только они обладают мистической властью над реальностью. Но Одоевский верит, что в далекой перспективе исторического развития все станут такими, как старик из первой части рассказа, и человечество примет форму земного Бога. Эта перспектива описана во второй части. Здесь ситуация для Земли оказывается еще более трагичной: ее орбита становится все ближе к Солнцу, и она вскоре упадет на Солнце. Но в отличие от ситуации, изображенной в первой части, люди на Земле с нетерпением ждут момента «соединения» с Солнцем: «Настал общий пир земного шара; нет буйной радости на сем пиру; не слышно громких восклицаний! Давно уже живое веселье претворилось для них в тихое наслаждение, в жизнь обыкновенную; уже давно они переступили через препоны, не допускающие человека быть человеком; уже исчезла память о тех временах, когда грубое вещество посмеивалось усилиям духа, когда нужда уступила необходимости: времена несовершенства и предрассудков давно уже прошли вместе с болезнями человеческими, земля была обиталищем одних царей всемогущих, никто не удивлялся прекрасному пиру природы; все ждали его, ибо давно уже предчувствие оно в виде прелестного призрака являлось воображению избранных. Никто не спрашивал о том друг друга; торжественная дума сияла на всех лицах, и каждый понимал это безмолвное красноречие. Тихо Земля близилась к Солнцу, и непалящий жар, подобный огню вдохновения, по ней распространялся. Еще мгновение — и небесное сделалось земным, земное небесным. Солнце стало Землею и Земля Солнцем...»¹⁰ Кажется, человечество само сводит Землю с орбиты, чтобы, соединившись с Солнцем, перейти на какой-то новый уровень существования, особенности которого мы не в состоянии понять из нашего нынешнего несовершенного состояния.

Изображенная здесь фантастическая и мистическая перспектива требует веков и тысячелетий исторического развития, если же говорить о настоящем, то главным для Одоевского является критика ложной современной цивилизации, которая построена на принципах, препятствующих даже относительному духовному развитию людей, принуждающих их оставаться в полуживотном состоянии. Об этом повествует рассказ «Бригадир», который стал идейным центром «Русских ночей». Рассказчик оказывается на похоронах вполне благополучного чиновника, дослужившегося до статского советника; неким фантастическим образом он проникает в мысли, которые посещают покойника в момент расставания с жизнью, и оказывается, что в последний момент он осознает бессмысленность своей жизни, растроченной на мелкие цели, осознает, что не понял главной и единственной цели человеческого существования — стремления к духовному совершенству и возвышению над собственной материальной ограниченностью. Вот как рассказчик передает последние мысли покойного бригадира: «...страшная судорога

¹⁰ *Одоевский В. Ф.* Два дня из жизни земного шара. С. 127–128.

потрясла мои нервы, и как завеса упала с глаз моих. Все, что тревожит душу человека, одаренного сильною деятельностью: ненасытная жажда познаний, стремление действовать, потрясать сердца силою слова, оставить по себе резкую бразду в умах человеческих, — в возвышенном чувстве, как в жарких объятиях, обхватить и природу, и человека, — все это запылало в голове моей; предо мною раскрылась бездна любви и человеческого самосвѣдения. Страдания целой жизни гения, неутолимые никаким наслаждением, врезались в мое сердце — и все это в ту минуту, когда был конец моей деятельности. Я метался, рвался, произносил отрывистые слова, которыми в один миг хотел высказать себе то, на что недостаточно человеческой жизни; родные воображали, что я в беспамятстве. О, каким языком выразить мои страдания! Я начал *думать*! Думать — страшное слово после шестидесятилетней бессмысленной жизни! Я понял *любовь*! любовь — страшное слово после шестидесятилетней бесчувственной жизни!

И вся жизнь моя предстала мне во всей отвратительной наготе своей!»¹¹

Отметим, что в этом рассказе, как и во многих других произведениях Одоевского, выступает оригинальное понимание смерти: смерть предстает не столь радикальным событием, как нам кажется, она не прерывает в абсолютном смысле жизнь, а скорее переводит личность в иной круг бытия, где открываются совершенно новые перспективы понимания себя и мира. Об этом элементе представлений Одоевского, вероятно, очень существенно повлиявшем на Достоевского, мы скажем ниже.

В рассказе «Бригадир» Одоевский представляет человека *низшего* типа, который не сумел раскрыть своих потенций и, несмотря на то что достиг благополучия и высокого социального статуса в своей внешней жизни, по сути, вел жизнь, мало отличающуюся от жизни животных. Гораздо интереснее и важнее для Одоевского люди *высшего* типа, которые в максимально возможной степени сумели раскрыть свою духовную сущность. В «Русских ночах» в таком качестве предстают великие музыканты — Бах и Бетховен; их жизнь трагична из-за того, что окружающие совершенно не понимают высоты их духовных устремлений. В этом случае показан, так сказать, *реалистический* аспект человеческого совершенства. Совсем иной, *мистический* аспект изображен в повести «Косморама». Здесь главному герою помог раскрыть его сверхъестественные способности прибор, загадочным образом появившийся в его доме. Глядя в этот прибор, он видит себя самого и всех других людей в ином, высшем мире, где они обладают гораздо более обширным знанием и большей проницательностью (в частности знанием о будущем), а также гораздо бoльшим влиянием на мир. Один из героев повести говорит о трагической раздвоенности своей сущности, своей

¹¹ Одоевский В. Ф. Русские ночи. С. 75.

неспособности в земном мире стать столь же глубоким и пронизательным, как в высшем мире: «...у вас должен казаться сумасшедшим тот, кто в вашем мире говорит языком нашего. Как я странен, как я жалок в этом образе! и мне нет сил научить, вразумить себя, — так грубы мои чувства, спеленан мой ум, в слухе звездные звуки — я не слышу себя, я не вижу себя! Какое терзанье! и еще кто знает, может быть, в другом, в высшем мире я кажусь еще более странным и жалким. Горе! горе!»¹² Герой намекает, что, возможно, и высший мир, в котором он осознает себя с помощью прибора, названного Косморамой, не является последним, что есть еще более высокий мир, с позиции которого его земное воплощение выглядит еще более «жалким».

Раскрыв с помощью Косморамы свои скрытые способности, герой видит то, что недоступно взгляду других людей — видит, что мир наполнен огромным количеством разных духовных существ, которые влияют на людей и влекут их к добру или злу. Он оказывается способным видеть прошлое и будущее, заглядывать за грань смерти и представить формы жизни, которые люди обретут после смерти. Но главное, он получает способность постоянного влияния на все происходящее в мире. И это становится для него мучительным испытанием, поскольку он оказывается вершителем судеб других людей, а очень часто и их «палачом», ведущим их к гибели. «Я понял, — пишет герой, — как важна каждая мысль, каждое слово человека, как далеко простирается их влияние, какая тяжкая ответственность ложится за них на душу и какое зло для всего человечества может возникнуть из сердца одного человека, раскрывшего себя влиянию существ нечистых и враждебных... Я понял, что “человек есть мир” — не пустая игра слов, выдуманная для забавы...»¹³ В повести Одоевского герой становится высшей личностью, что оборачивается для него трагедией. Обладая пронизательным зрением и пониманием мира, он больше всех страдает от его несовершенств, а его огромное влияние на мир пропадает впустую, не достигает цели, поскольку не встречает ответного действия от людей, не знающих подлинного богатства реальности.

Представление о бесконечной духовной сущности человека, которую каждый из нас должен в максимальной степени попытаться раскрыть в своей жизни и которую только по прошествии многих веков истории человечество научится раскрывать с достаточной полнотой, безусловно является очень важным для Достоевского. Несмотря на то что оно входит в общий круг идей, выработанных романтизмом, в творчестве Достоевского оно имеет ту же характерную форму, что и в мировоззрении Одоевского. Главные герои ранних повестей Достоевского вполне отвечают стереотипу романтических героев, которые вступают

¹² *Одоевский В. Ф.* Косморамы // Одоевский В. Ф. Записки для моего праправнука. М., 2006. С. 221.

¹³ Там же. С. 237.

в борьбу с миром и обстоятельствами, защищая свою свободу и предполагая в себе непонятную и ничем не объяснимую возможность подчинять мир своим желаниям. Особенно наглядно это выступает в повести «Хозяйка». Старик Мурин здесь предстает как человек, способный мистически влиять на людей и обстоятельства в своих интересах. Главный герой повести Василий Ордынов вступает в странные отношения соперничества с Муриным, но при этом он приобщается к необычным способностям своего соперника, пытается в самом себе найти те же способности мистического влияния на окружающих. Вася Шумков из повести «Слабое сердце» изображен горбатым, «убогим» по своим физическим возможностям, но важнейшей темой повести, без которой невозможно понять всю ее идейную конструкцию, является укорененное в душе героя желание сделать счастливым весь мир, так подействовать на мир, чтобы он стал радикально лучше, чем сейчас.

Наиболее глубоко эта тема разрабатывается в «Записках из подполья» и в «Игроке»¹⁴. «Подпольный» человек главным качеством своей натуры называет нежелание подчиняться законам природы и незыблемым положениям разума, подобным истине $2 \times 2 = 4$. Если признать, что в анализе «подпольного» сознания Достоевский выражает некоторые универсальные особенности человеческого сознания как такового, то эти рассуждения «подпольного» героя означают, что к самой сути человека относится противостояние миру, «несогласие» с его господством над нами и стремление навязать ему свою волю. Впрочем, в самой повести нет оснований для предположения, что это стремление нашего сознания хотя бы в какой-то степени может быть реализовано, что мы действительно можем выйти из-под власти законов природы и фундаментальных принципов мирового разума и сами «диктовать» законы природе.

Но в следующем произведении, в романе «Игрок», Достоевский показывает героя, который оказывается близким к указанной цели, который на одно мгновение становится «сверхчеловеком», господствующим над обстоятельствами. Герой романа Алексей выигрывает на рулетке огромную сумму денег (200 тысяч франков) и тем самым одним махом разрешает все сложные хитросплетения судеб героев романа, его выигрыш становится конкретным выражением возможности решительно изменить собственную жизнь и жизнь окружающих людей, причем с помощью действий, выходящих за пределы рационально объяснимого.

Много раз указывалось на то, что в романе явно просматриваются параллели с историей Германна из повести Пушкина «Пиковая дама». Однако здесь есть не менее очевидные параллели с рассказом Одоевского «Мартингал (записки гробовщика)», который был опубликован в 1846 г. в «Петербургском сборнике» вместе с «Бедными людьми» Достоевского

¹⁴ Подробнее см.: *Евлатиев И. И.* Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). СПб., 2012. С. 215–312.

(в нем в свою очередь есть прямые отсылки к повести Пушкина: в сцене игры появляются семерка, тройка и дама). Герой рассказа Одоевского, 19-летний юноша, проигрывает 200 тысяч (сумма точно совпадает с выигрышем Алексея в «Игроке») и, поскольку не в состоянии отдать долг, думает о самоубийстве; в последний момент он вспоминает о своем дяде, некогда известном игроке, давно оставившем игру. Свою просьбу о помощи герой подкрепляет напоминанием об отце, некогда выручившем дядю из беды. Соглашаясь помочь племяннику, дядя в случае неудачи ставит условием совместное самоубийство. Исход оказывается благополучным: он выигрывает и спасает и себя и племянника от смерти. В рассказе есть характерное объяснение страсти к игре, оно явно «рифмуется» с описанием тех чувств, которые испытывает Алексей в «Игроке» после своего выигрыша: «Помню, как однажды на сторублевую ассигнацию я взял десять тысяч — в две минуты, не более — вот это куш, — индо пот пробил, а на душе-то, на душе — женский поцелуй ничто! — И ведь не деньги главное, — а вот то, что сердце щиплет — и рассказать нельзя...»¹⁵ В рассказе, точно так же, как в романе Достоевского, важную роль играет любовная тема. Герой сразу после своего проигрыша получает записку от своей возлюбленной, графини, с предложением любовного свидания. Но очень характерно, как он говорит об этом событии: «Если бы вы знали, чья рука это писала! Вот уж три месяца добивался я этой записки, — мучился, страдал... а все-таки — хоть сейчас, если бы можно, поставил на карту...»¹⁶ Любовь и страсть к игре здесь сталкиваются с гораздо большей прямолинейностью, чем в повести Пушкина и в романе Достоевского.

Несмотря на все сказанное выше, нужно признать, что даже в ранних произведениях Достоевского мистические возможности человека влиять на мир показаны только намек, едва заметно, а в поздних мы вообще не видим явных примеров такого влияния. Казалось бы, это заставляет усомниться в существенном значении этой идеи для мировоззрения писателя. Однако отсутствие такого рода примеров вполне объяснимо: это связано с тем, что Достоевский хорошо понимал сложность человека и соответственно осознавал невозможность быстро и просто реализовать все таящиеся в нем силы. Современный человек очень далек от того идеала сверхчеловеческого могущества, который рисует в своих фантастических произведениях Одоевский. В литературе реалистического типа примеры явного мистического воздействия не могут быть оправданными с художественной точки зрения. Тем не менее идея о существовании людей, способных каким-то мистическим способом влиять на мир, присутствует и в позднем творчестве Достоевского, более того, она является одной из главных в философских размышлениях писателя.

¹⁵ Одоевский В. Ф. Мартингал // Одоевский В. Ф. Соч. Т. 2. С. 337.

¹⁶ Там же.

В рукописном наброске 1864 г., написанном на смерть жены Марии Дмитриевны, Достоевский говорит о том, что история идет к некому финалу, в котором человек и человечество предстанут в совершенно ином виде, чем сейчас. Называя это неведомое состояние «рай Христов», Достоевский подчеркивает, что человек достигнет в нем предельного раскрытия своих возможностей, и это будет означать конец прежнего развития и начало какого-то нового периода существования человека, точнее, начало существования того нового, сверхчеловеческого существа, которое возникнет на месте человека: «Но если это цель окончательная человечества (достигнув которой ему не надо будет развиваться, то есть достигать, бороться, прозревать при всех падениях своих идеал и вечно стремиться к нему, — стало быть, не надо будет жить) — то, следственно, человек, достигая, окончивает свое земное существование. Итак, человек есть на земле существо только развивающееся, след<овательно>, не оконченное, а переходное.

Но достигать такой великой цели, по моему рассуждению, совершенно бессмысленно, если при достижении цели всё угасает и исчезает, то есть если не будет жизни у человека и по достижении цели. Следственно, есть будущая, райская жизнь.

Какая она, где она, на какой планете, в каком центре, в окончательном ли центре, то есть в лоне всеобщего синтеза, то есть Бога? — мы не знаем» (20, 172–173).

Хотя здесь Достоевский говорит о том, что после конца нынешней истории начнется «будущая, райская жизнь», понятно, что имеется в виду вовсе не то представление, которое называется «раем» и «будущей жизнью» в церковном, догматическом учении. Церковный рай является вполне определенным и не может вызывать тех вопросов, которые задает далее Достоевский. Если он предполагает, что «рай» может иметь место на какой-то «планете» (пусть даже этот термин здесь понимается метафорически) или в некотором «центре», то совершенно очевидно, что здесь имеется в виду тот же земной мир, в котором протекает наша нынешняя несовершенная жизнь. Таким образом, преобразование несовершенной жизни к «раю Христову» нужно представлять близко к тому, как Одоевский изображает финал человеческой истории в рассказе «Два дня из жизни земного шара»: это радикальная трансформация земного бытия человечества, осуществляемая самим человечеством и приводящая к новому его состоянию в том же земном мире.

Весьма характерно, что Бога в этом контексте Достоевский понимает как «всеобщий синтез»; чуть ниже в том же рукописном наброске это определение повторяется и уточняется: «Натура Бога прямо противоположна натуре человека. Человек по великому результату науки, идет от многообразия к Синтезу, от фактов к обобщению их и познанию. А натура Бога другая. Это полный синтез всего бытия, саморассматривающий себя в многообразии, в Анализе» (20, 174). Бог оказывается не трансцендентным личным существом, как в церковном учении,

а синтезом, *всеединством* бытия; Бог — это окончательное, преобразованное состояние самого земного мира, достигаемое в процессе развития человечества и его все более полного влияния на мир. Еще несколькими строками ниже Достоевский говорит о том, каково главное качество человека в окончательном, преобразованном состоянии мира: «Это слитие полного я, то есть знания и синтеза *со всем*» (20, 174). Если в начале этого рукописного текста «рай Христов» определялся как слияние всех людей друг с другом, растворение личности в других личностях, то теперь Достоевский идет еще дальше и утверждает «слитие» личности «со всем», т. е. со всем бытием, со всем миром. Здесь еще больше сходства с представлением Одоевского о превращении человечества в «сверхчеловечество» и о его окончательном господстве над преображенным миром.

Достоевский признает перспективу окончательной трансформации человечества и всего земного мира к состоянию «рая Христова» и «всеобщего синтеза» очень далекой, а может быть, и вообще недостижимой, выступающей только в качестве идеала для исторического развития человечества. Как и Одоевский, он считает, что гораздо важнее обращать внимание людей на необходимость духовного саморазвития в своей собственной жизни, на раскрытие в собственной ограниченной личности способностей к радикальному воздействию на окружающее бытия. Эта тема занимает очень существенное место в «Дневнике писателя». В январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. в маленьком наброске со странным названием «Золотой век в кармане» Достоевский выстраивает систему рассуждений, заставляющую вспомнить «Бригадира» Одоевского, — он говорит о бесконечных возможностях, заложенных в людях, но не реализованных ими. Имея в виду участников светского бала, каждый из которых похож на героя рассказа «Бригадир», Достоевский восклицает про себя: «Что если б каждый из них вдруг узнал, сколько заключено в нем прямодушия, честности, самой искренней сердечной веселости, чистоты, великодушных чувств, добрых желаний, ума, — куда ума! — остроумия самого тонкого, самого сообщительного, и это в каждом, решительно в каждом из них! Да, господа, в каждом из вас всё это есть и заключено, и никто-то, никто-то из вас про это ничего не знает! О, милые гости, клянусь, что каждый и каждая из вас умнее Вольтера, чувствительнее Руссо, несравненно обольстительнее Алкивиада, Дон-Жуана, Лукреций, Джульет и Беатричей! Вы не верите, что вы так прекрасны? А я объявляю вам честным словом, что ни у Шекспира, ни у Шиллера, ни у Гомера, если б и всех-то их сложить вместе, не найдется ничего столь прелестного, как сейчас, сию минуту, могло бы найтись между вами, в этой же бальной зале. Да что Шекспир! тут явилось бы такое, что и не снилось нашим мудрецам. Но беда ваша в том, что вы сами не знаете, как вы прекрасны! Знаете ли, что даже каждый из вас, если б только захотел, то сейчас бы мог осчастливить всех в этой зале и всех увлечь за собой? И эта

мощь есть в каждом из вас, но до того глубоко запрятанная, что давно уже стала казаться невероятною. И неужели, неужели золотой век существует лишь на одних фарфоровых чашках?» (22, 12–13). Интересно, что Достоевский говорит главным образом о нравственных качествах, заключенных в людях, но в конце словно проговаривается и упоминает некую «мощь», силу непосредственного влияния на других, которая глубоко спрятана в каждом.

В конце «Дневника писателя» за тот же год Достоевский поднимает тему «лучших людей», без которых не может жить, по его убеждению, ни одно общество (23, 153–156). Но что это за люди и как ими становятся? Сложность этого процесса показана в рассказе «Приговор», герой которого решительно противопоставляет себя людям, которые не задумываются о смысле жизни и поэтому живут как животные: «Посмотрите, кто счастлив на свете и какие люди соглашаются жить? Как раз те, которые похожи на животных и ближе подходят под их тип по малому развитию их сознания. Они соглашаются жить охотно, но именно под условием жить как животные, то есть есть, пить, спать, устраивать гнездо и выводить детей» (23, 146–147). Хотя он сам не удовлетворяется такой жизнью, он не находит пути к высшей жизни, к высшей осмысленности своего существования и поэтому кончает с собой.

В одном из следующих выпусков «Дневника писателя», в авторском комментарии к рассказу, Достоевский присоединяется к мнению своего героя и еще более резко делит людей на тех, кто живут «как животные», и тех, кто являются «высшими типами», по-настоящему раскрывшими в себе человеческую сущность. «Для него (героя рассказа. — *И. Е.*) становится ясно как солнце, что согласиться жить могут лишь те из людей, которые похожи на низших животных и ближе подходят под их тип по малому развитию своего сознания и по силе развития чисто плотских потребностей. Они соглашаются жить именно как животные, то есть чтобы “есть, пить, спать, устраивать гнездо и выводить детей”. О, жрать, да спать, да гадить, да сидеть на мягком — еще слишком долго будет привлекать человека к земле, но не в высших типах его. Между тем высшие типы ведь царят на земле и всегда царили, и кончалось всегда тем, что за ними шли, когда восполнялся срок, миллионы людей. Что такое высшее слово и высшая мысль? Это слово, эту мысль (без которых не может жить человечество) весьма часто производят в первый раз люди бедные, незаметные, не имеющие никакого значения и даже весьма часто гонимые, умирающие в гонении и в неизвестности. Но мысль, произнесенное ими слово не умирают и никогда не исчезают бесследно, никогда не могут исчезнуть, лишь бы только раз были произнесены, — и это даже поразительно в человечестве. В следующем же поколении или через два-три десятка лет мысль гения уже охватывает всё и всех, увлекает всё и всех, — и выходит, что торжествуют не миллионы людей и не материальные силы, по-видимому столь страшные и незыблемые, не деньги, не меч, не могущество,

а незаметная вначале мысль, и часто какого-нибудь, по-видимому, ничтожнейшего из людей» (24, 47).

Высказанная здесь мысль является одной из важнейших в философском мировоззрении Достоевского, хотя на первый взгляд она вступает в противоречие с главной идеей самого известного романа писателя — «Преступления и наказания». Согласно общепринятой точке зрения, в романе дано капитальное опровержение представления о том, что историческое развитие определяют отдельные высшие личности. Однако при более внимательном отношении к той логике, которую Достоевский выстраивает в романе, и особенно при учете приведенного высказывания из «Дневника писателя» можно сделать совсем другой вывод: в романе опровергается *общепринятое представление* о высших личностях, согласно которому такие личности оказывают свое воздействие на историю с помощью денег, меча или материального могущества. Писатель безусловно убежден, что «высшие типы царят на земле», т. е. определяют ход истории, но их влияние на людей и мир носит совсем иной характер, чем влияние так понятых великих деятелей, подобных Наполеону¹⁷.

Достоевский утверждает, что настоящие высшие личности влияют на мир с помощью «мысли» и «слова», и это кажется не очень понятным. Однако здесь уместно вспомнить некоторые важные утверждения Одоевского, которые помогают прояснить, что имеет в виду Достоевский. Еще раз процитируем приведенные выше слова героя повести «Косморама»: «Я понял, как важна каждая мысль, каждое слово человека, как далеко простирается их влияние...» Близкое утверждение содержится в эпиграфе к рассказу «Живой мертвец», придуманном самим Одоевским: «Мне бы хотелось выразить буквами тот психологический закон, по которому ни одно слово, произнесенное человеком, ни один поступок не забываются, не пропадают в мире, но производят непременно какое-либо действие; так что ответственность соединена с каждым словом, с каждым, по-видимому, незначимым поступком, с каждым движением души человека»¹⁸. Неразвитый человек, живущий «как животное», не осознает влияния своих мыслей и слов и не стремится к тому, чтобы это влияние было направленным и благотворным, но «высшие типы» тем и отличаются, что они способны сделать свое влияние на мир и людей вполне определенным и достаточно «мощным», чтобы оно было способно решительным образом направлять движение истории. Высказывания Одоевского дают исчерпывающий комментарий к высказыванию Достоевского.

¹⁷ См.: *Евлатицев И. И.* Идея бессмертия в романе «Преступление и наказание» // *Mundo eslavo: revista de cultura y estudios eslavos.* 2017. № 16. С. 82–92.

¹⁸ *Одоевский В. Ф.* Живой мертвец // *Одоевский В. Ф.* Записки для моего праправнука. С. 276.

В наиболее сложной, синтетичной форме влияние идей Одоевского проступает в рассказе «Сон смешного человека». Сам сюжет этого произведения и подзаголовок «фантастический рассказ» намекает на фантастические произведения Одоевского. Прообраз рассказа Достоевского содержится в рассказе Одоевского «Сильфида», где мистическое существо, имеющее женский облик, переносит героя в иной мир, причем изображено это, как и в рассказе Достоевского, в виде космического путешествия; само это существо по имени Сильфида так описывает различие земного мира и того высшего мира, в который они перенеслись: «Я твоя — вот все, что я знаю; тебе я принадлежу и никому другому... но зачем ты здесь? как здесь душно и холодно! У нас веет солнце, звучат цветы, благоухают звуки... за мной... за мной!.. а еще далеко, далеко до нашего мира... но я не оставлю тебя! <...> Смотри — там в безбрежной пучине носится ваша пылинка: там проклятия человека, там рыдания матери, там говор житейской нужды, там насмешка злых, там страдания поэта — здесь все сливается в сладостную гармонию, здесь ваша пылинка не страждущий мир, но стройное орудие, которого гармонические звуки тихо колеблют волны эфира.

Простись с поэтическим *земным* миром! И у вас есть поэзия на земле! оборванный венец вашего блаженства! Бедные люди! странные люди! в вашей смрадной пучине вы нашли, что даже страдание есть счастье! Вы страданию даете поэтический отблеск! Вы гордитесь вашим страданием; вы хотите, чтоб жители другого мира завидовали вашей жизни! В нашем мире нет страдания: оно удел лишь несовершенного мира, — создание существа несовершенного! — Вольно человеку преклоняться пред ним, вольно ему отбросить его, как истлевшую одежду па плечах путника, завидевшего родину»¹⁹.

Интересно, что здесь присутствует важный мотив будущего рассказа Достоевского — странное желание людей земного мира испытывать страдания и получать от них наслаждение. В рассказе Одоевского это качество признается негативным следствием несовершенства земного мира, Достоевский же находит в нем определенное преимущество земных несовершенных людей над совершенными и выстраивает на этой основе сложное, диалектическое представление о человеке.

Изображение в главной части рассказа «Сон смешного человека» идеального общества, состоящего из таких же людей, как люди земного общества, является демонстрацией идеи о раскрытии в человеке высших способностей, которые могут сделать его бытие и его отношения с другими и с миром радикально иными, чем в нынешнем несовершенном состоянии. В жизни людей этого общества главную роль играет не разум, а интуиция, которая обеспечивает «слияние» людей друг с другом и с природой. Последнее означает, что для людей потеряла значение традиционная наука как форма познания природы, и теперь

¹⁹ *Одоевский В. Ф. Сильфида // Одоевский В. Ф. Соч. Т. 2. С. 120–122.*

они непосредственно, как бы «изнутри» постигают природные явления, имеют с ними живое общение. Герой рассказа так передает особенности отношения людей совершенного общества к природе: «...знание их было глубже и высшее, чем у нашей науки; ибо наука наша ищет объяснить, что такое жизнь, сама стремится сознать ее, чтоб научить других жить; они же и без науки знали, как им жить, и это я понял, но я не мог понять их знания. Они указывали мне на деревья свои, и я не мог понять той степени любви, с которою они смотрели на них: точно они говорили с себе подобными существами. И знаете, может быть, я не ошибусь, если скажу, что они говорили с ними! Да, они нашли их язык, и убежден, что те понимали их. Так смотрели они и на всю природу — на животных, которые жили с ними мирно, не нападали на них и любили их, побежденные их же любовью. Они указывали мне на звезды и говорили о них со мною о чем-то, чего я не мог понять, но я убежден, что они как бы чем-то соприкасались с небесными звездами, не мыслю только, а каким-то живым путем» (25, 113).

Но не только изображение грядущего идеального общества имеет очевидные параллели в творчестве Одоевского, странный поворот сюжета рассказа, когда герой «развращает» людей этого общества и оно стремительно приходит в несовершенное состояние, также можно объяснить на основании некоторых идей, присутствующих в творчестве Одоевского. Вспомним повесть «Косморاما»; после того, как герой обрел способность видеть в мире больше, чем видят обычные люди, он узнал, что в мире присутствует огромное число духовных существ, причем не только добрых, но и злых, дьявольских по своей сути. Поскольку человек является центром мироздания, то все эти существа взаимодействуют с человеком и должны подчиняться ему. Но это подчинение станет по-настоящему полным только тогда, когда сам человек станет совершенным, раскроет все свои внутренние духовные силы. Пока он не достиг этого окончательного совершенства, он подвержен влиянию этих духовных существ, они могут склонять его либо к добру, либо ко злу. Особенно наглядно возможность превращения человека в законченного злодея под действием этих невидимых существ показана в истории графа, мужа Элизы, возлюбленной главного героя повести. Герой обладает мистическим зрением, поэтому он видит прошлое и восстанавливает всю историю превращения графа в законченного злодея: «Я видел графа Б*** в различных возрастах его жизни... я видел, как над изголовьем его матери, в минуту его рождения, вились безобразные чудовища и с дикою радостью встречали новорожденного. Вот его воспитание: гнусное чудовище между ним и его наставником — одному нашептывает, другому толкует мысли себялюбия, безверия, жестокосердия, гордости; вот появление в свет молодого человека: то же гнусное чудовище руководит его поступками, внушает ему тонкую сметливость, осторожность, коварство, наверное устраивает для него успехи; граф в обществе женщин: необоримая сила влечет

их к нему, он ласкает одну за другою и смеется вместе с своим чудовищем; вот он за карточным столом: чудовище подбирает масти, шепчет ему на ухо, какую ставить карту; он обыгрывает, разоряет друга, отца семейства, — и богатство упрочивает его успехи в свете; вот он на пединке: чудовище нашептывает ему на ухо все софизмы дуэлей, крепит его сердце, поднимает его руку, он стреляет — кровь противника брызнула на него и запятнала вечными каплями; чудовище скрывает след его преступления»²⁰.

Нужно отметить одну очень важную черту мировоззрения Одоевского: в его религиозно-философском мировоззрении *отсутствует Бог*, высшее духовное начало, которому были бы подчинены все низшие духовные силы и существа. В этом смысле именно человек для Одоевского является подлинно главным персонажем мировой трагедии, только усилиями человека мир может идти к совершенству и достичь окончательного благого состояния. Но поскольку в этот процесс вмешивается огромное число отрицательных духовных существ, а сам человек не всегда последователен в своем стремлении к совершенству и к выявлению в себе могущественных сил, помогающих ему становиться земным Богом, то указанный космический процесс не является запрограммированным, предопределенным в сторону благого результата. В любой момент отрицательные силы бытия могут «совратить» человека с его правильного пути и направить на зло и разрушение. Именно поэтому большинство фантастических рассказов Одоевского имеет пессимистический конец; они говорят не столько о прекрасном финале человеческого развития, сколько о бесконечной сложности движения по пути к этому финалу. Пожалуй, только рассказ «Два дня из жизни земного шара» и незаконченная повесть «4338-й год» прямо повествуют о возможности достигнуть состояния совершенства, впрочем и здесь оно не абсолютно, а относительно.

В рассказе Достоевского совершенство изображено яркими красками, однако оно также не является абсолютным, это вовсе не христианский рай, который, будучи созданным всемогущим Богом, не может быть полностью разрушен силами людей. Тот факт, что общество, изображенное в «Сне смешного человека», не является абсолютно совершенным, явно следует из того, что люди этого общества болеют и умирают, как мы; кроме того они знают, что у них есть еще перспектива дальнейшего, будущего совершенствования, соединения с «Целым вселенной»: «У них не было храмов, но у них было какое-то насущное, живое и непрерывное единение с Целым вселенной; у них не было веры, зато было твердое знание, что когда восполнится их земная радость до пределов природы земной, тогда наступит для них, и для живущих и для умерших, еще большее расширение соприкосновения с Целым вселенной. Они ждали этого мгновения с радостью, но не торопясь,

²⁰ *Одоевский В. Ф.* Косморама. С. 235–236.

не страдая по нем, а как бы уже имея его в предчувствиях сердца своего, о которых они сообщали друг другу» (25, 114).

Отметим, что «Целое вселенной», которое упомянуто в этом тексте, очень похоже на «всеобщий синтез», который в более раннем рукописном наброске был определением сущности Бога; видимо, и здесь «Целое вселенной» — это Бог Достоевского, недаром этот термин возникает в предложении, которое начинается утверждением, что у людей совершенного общества «не было храмов», т. е. они окончательно преодолели устаревшие формы веры, требующие поклонения антропоморфному Богу.

Вероятно, ошибкой совершенных людей из рассказа Достоевского является чрезмерная успокоенность и уверенность в том, что достигнутое ими совершенство уже не может быть утрачено, на это намекает последняя фраза процитированного текста. Это и приводит к катастрофе: перестав активно бороться за упрочение и расширение своего совершенства, перестав сопротивляться темным силам в себе, люди позволили этим темным силам восторжествовать и уничтожить все достигнутое в истории.

Особую важную общую тему составляет понимание смерти и бессмертия в творчестве Одоевского и Достоевского. Как было сказано выше, одной из самых ярких особенностей мировоззрения Одоевского является его представление об относительности смерти; в его философии смерть — условная граница между разными формами существования человека, которая не только не препятствует общению между живыми и умершими (в том случае если человек развил в себе высшие способности), но и оказывается «обратимой». Последнюю, совершенно фантастическую, возможность Одоевский изображает в повести «Косморама», где умершего графа буквально «выталкивают» обратно из смерти в жизнь злые духи, сопровождающие его. В несколько комичном варианте та же идея выражена в истории архитектора Пиранези из рассказа, входящего в «Русские ночи»: ему не позволяют умереть, точно так же «выталкивают» обратно в жизнь из смерти, его собственные архитектурные проекты, превратившиеся в духовные существа и требующие от своего создателя воплощения в материи.

В мировоззрении Достоевского мы находим очень близкие представления о смерти; совпадение гротескно-ироничного образа «бытия в смерти», представленного «Живым мертвецом» Одоевского и «Бобком» Достоевского, уже отмечалось в исследовательской литературе. В гораздо более серьезном виде эти идеи угадываются и в «Сне смешного человека». Здесь подчеркивается неразрывная связь земного мира и мира посмертного, герой рассказа, говоря о том, что люди совершенного общества не воспринимали смерть так трагично, как мы, добавляет: «Подумать можно было, что они соприкасались еще с умершими своими даже и после их смерти и что земное единение между ними не прерывалось смертью» (25, 114).

Что же за бытие ждет человека после смерти? Поскольку Одоевский представляет реальность как совокупность самых разных миров, из которых наш является самым несовершенным, то после смерти, видимо, человек попадает в один из этих более высоких миров. Признать их полностью совершенными мы, конечно, не можем, поскольку в эти миры в равной степени попадают и злодеи, подобные графу из повести Косморама. Тем не менее какое-то относительное совершенство после смерти возможно, хотя в целом перспектива посмертного существования бесконечна и поэтому не поддается рациональному пониманию и предсказанию. Об этом говорит Софья в «Космораме»: «Ничего, <...> на земле все недолго, и горе, и радость; умрем, другое будет...»²¹ Но самое важное суждение на этот счет мы находим в «Психологических заметках»: «Человек когда-то потерял весьма блистательную одежду; он должен возратить ее; может, для сего он переходит несколько степеней жизни; может быть, чего не достиг он в одной степени, то должен отыскивать в другой до тех пор, пока не дойдет до прежнего совершенства; тех метаморфоз, которые мы называем жизнью, может быть бесчисленное множество; это мгновения одной общей жизни — мгновения более долгие или более краткие, смотря по той степени совершенства, до которой достиг он; так что, может быть, если человек усвоил себе такие-то познания, развил в себе такие-то чувства, то он должен умереть, ибо истощил уже здешнюю жизнь в той сфере, которая ему предназначена»²².

В этом достаточно лаконичном рассуждении выражена важнейшая концепция философии Одоевского. Он утверждает, что человек обладал когда-то в истории божественным совершенством и должен вернуть его; но земная жизнь коротка, отведенного в ней времени человеку слишком мало для достижения даже небольшой степени совершенства. Однако краткость земной жизни искупается тем, что она — только маленькая часть бесконечного потока жизни; ее конец — это начало новой формы жизни, в которой личность сможет продолжить свое совершенствование, отправляясь от того, что было достигнуто в пройденной земной жизни.

Вероятно, это представление Одоевского повлияло на самое сложное и загадочное слагаемое религиозно-философских воззрений Достоевского — на его представление о бесконечном многообразии миров, из которых складывается реальность. Некоторые миры могут быть более совершенными, чем земной мир, но некоторые могут быть и менее совершенными. Это представление возникает в размышлениях самых разных персонажей Достоевского — Свидригайлова, Ипполита Терентьева, Кириллова, старца Зосимы. Смерть и есть переход из земного мира в один из этих миров, причем только те из людей, кто достиг

²¹ Одоевский В. Ф. Косморама. С. 240.

²² Одоевский В. Ф. Психологические заметки. С. 289–290.

относительного совершенства в земном мире, попадают в более совершенный мир и имеют возможность дальнейшего духовного саморазвития по пути к окончательному совершенству. Те же, кто не смог существенно подняться над уровнем «животной» жизни, обретут после смерти еще более несовершенное бытие (например, свидригайловскую «баню с пауками») и будут еще больше деградировать по отношению к своей предельной человеческой (т. е. божественной) сущности²³.

Связь такого представления о бессмертии с мыслью о бесконечном совершенствовании человека впервые в новоевропейской философии обозначил И. Кант в «Критике практического разума», затем его развивал в своем позднем религиозно-философском учении Фихте²⁴. Однако Одоевский сформулировал эту концепцию бессмертия вполне самостоятельно, без прямых отсылок к своим немецким предшественникам. Оригинальной чертой его версии концепции бессмертия является представление о том, что есть люди, которые на определенной стадии своей жизни *должны* умереть, поскольку достигли такой степени духовного совершенства, что их телесная земная природа не способна «вместить» дальнейшего развития. Именно этот смысл имеют последние слова в процитированном выше фрагменте: «...он должен умереть, ибо истощил уже здешнюю жизнь в той сфере, которая ему предназначена». Может показаться, что эти слова слишком туманны для того, чтобы дать столь определенную интерпретацию, но в качестве подтверждения можно привести фрагмент из незаконченной повести «4338-й год», где имеется в виду та же самая мысль. В отдельном наброске, имеющем указание «через 2000 лет» сказано: «Человечество достигает того сознания, что природный организм человека не способен к тем отправлениям, которых требует умственное развитие; что, словом, оказывается несостоятельность орудий человека в сравнении с тою целию, мысль о которой выработалась умственною деятельностью. Этою невозможностью достижения умственной цели, этою несоразмерностью человеческих средств с целию наводится на все человечество безнадежное уныние — человечество в своем общем составе занемогает предсмертною болезнию»²⁵.

Но на самом деле человечество не должно пребывать в унынии от осознания радикального несовершенства своего телесного «орудия»; согласно представлениям Одоевского, люди не должны бояться смерти, нужно смотреть на нее как на путь в новое бытие, где духовное начало личности получит более совершенное телесное «орудие» и сможет продолжить самосовершенствование.

²³ Подробнее см.: *Евлампов И. И.* Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). С. 435–489.

²⁴ См.: *Евлампов И. И.* Идея бессмертия в романе «Преступление и наказание». С. 87–89.

²⁵ *Одоевский В. Ф.* 4338-й год // Одоевский В. Ф. Записки для моего праправнука. С. 328.

Этот ход мысли кажется совершенно оригинальным; и тем более показательно, что один из важнейших героев-идеологов Достоевского буквально повторяет мысль Одоевского, причем именно в связи с требованием не бояться смерти. Вспомним известное рассуждение Кириллова по поводу переживаемых им пяти секунд абсолютной гармонии: «Есть секунды, их всего зараз приходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что *человек в земном виде не может перенести. Надо перемениться физически или умереть*. Это чувство ясное и неоспоримое. Как будто вдруг ощущаете всю природу и вдруг говорите: да, это правда. Бог, когда мир создавал, то в конце каждого дня создания говорил: “Да, это правда, это хорошо”. Это... это не умиление, а только так, радость. <...> Если более пяти секунд — то душа не выдержит и должна исчезнуть. В эти пять секунд я проживаю жизнь и за них отдам всю мою жизнь, потому что стоит. *Чтобы выдержать десять секунд, надо перемениться физически*. Я думаю, человек должен перестать родить. К чему дети, к чему развитие, коли цель достигнута?» (10, 450; курсив мой. — И. Е.).

Эти слова вызывают самые разные комментарии и до сих пор остаются загадочными, непонятными. Самое распространенное, но совершенно неконструктивное объяснение сводит все к «сумасшествию» героя. Эти слова становятся предельно ясными, если признать, что Кириллов действительно достиг, хотя бы всего на «пять секунд», состояния высшего духовного совершенства, возможного в земной жизни. Ведь он пребывает в состоянии *абсолютной гармонии* и испытывает то *чувство радости*, которое испытывал Бог при творении мира. Это и означает, что для него «цель достигнута», т. е. он достиг высшей точки развития человека на земле. Но, достигнув высшего совершенства, допустимого законами нашего мира, он должен двигаться дальше, и это возможно либо через изменение физической природы человека, что кажется затруднительным в силу косности материи, либо через переход в иной мир, где он получит более совершенную телесную организацию, допускающую дальнейшее совершенствование. Это и выражает его фраза о необходимости умереть. В результате «метафизическое самоубийство», к которому готовится Кириллов, приобретает еще одно, косвенное обоснование, помимо того прямого обоснования, которое он дает в романе.

Исследователи до сих пор спорят, насколько хорошо Достоевский знал труды Канта и Фихте, однако приведенные примеры показывают, что свою оригинальную концепцию бессмертия, резко расходящуюся с традиционной церковной идеей вечного существования личности в Царствии Небесном, писатель мог заимствовать из более близкого и доступного источника — из философского мировоззрения Владимира Одоевского. Это показывает, насколько принципиальным и глубоким было влияние Одоевского на Достоевского, и делает насущным и важным исследование всех аспектов этого влияния.

Библиографический список

- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
- Гонсалес А. А.* «Живой мертвец» и «Двойник», еще раз о фантастике Достоевского (из наблюдений переводчика) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2016. Вып. 4.
- Евlampиев И. И.* Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). СПб., 2012.
- Евlampиев И. И.* Идея бессмертия в романе «Преступление и наказание» // Mundo eslavo: revista de cultura y estudios eslavos. 2017. № 16.
- Итокава К.* Владимир Федорович Одоевский и Федор Михайлович Достоевский: Обзор истории сравнительного исследования их творчества и некоторые соображения по поводу еще одной творческой связи «Русских ночей» и «Преступления и наказания». Гумма, 1987.
- Назиров Р. Г.* Владимир Одоевский и Достоевский // Русская литература. 1974. № 3.
- Одоевский В. Ф.* Соч.: В 2 т. М., 1981.
- Одоевский В. Ф.* Записки для моего праправнука. М., 2006.
- Розанов В. В.* Чаадаев и кн. Одоевский // Чаадаев: Pro et contra. СПб., 1998.
- Турьян М. А.* Русский «фантастический реализм». СПб., 2013.
- Фрилендер Г. М.* О некоторых очередных задачах и проблемах изучения Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1980. Т. 4.

Evlampiev I. I.

F. M. DOSTOEVSKY AND THE MYSTICAL PHILOSOPHY OF V. F. ODOEVSKY

Key words: F. M. Dostoevsky, V. F. Odoevsky, mystical philosophy, human perfection, immortality, other worlds.

The article analyzes in detail the ideas of V. F. Odoevsky which had a significant impact on Dostoevsky's philosophical outlook: the idea of the relationship of a man with the entire infinite world and the mystical influence on the world, the idea of the priority of intuition over reason in cognition, the idea of the gradual unfolding of divine perfection and divine power in man. The coincidence of ideas about immortality in the views of Odoevsky and Dostoevsky is especially emphasized: death is not an absolute cessation of earthly existence, but a transition to another world, similar to the earth, where a person must continue his struggle for perfection.

References

- Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij: In 30 vols.* Leningrad, 1972–1990.
- Gonsales A. A. “Zhivoj mertvec” i “Dvojnik”, eshhe raz o fantastike Dostoevskogo (iz nabljudenij perevodchika). *Problemy istoricheskoy pojetiki.* Petrozavodsk, 2016. Iss. 4.

- Evlampiev I. I. *Filosofija cheloveka v tvorčestve F. Dostojevskogo (ot rannih proizvedenij k "Brat'jam Karamazovym")*. St. Petersburg, 2012.
- Evlampiev I. I. Ideja bessmertija v romane "Prestuplenie i nakazanie". *Mundo eslavo: revista de cultura y estudios eslavos*. 2017. N 16.
- Itokava K. *Vladimir Fedorovich Odoevskij i Fedor Mihajlovich Dostojevskij: Obzor istorii sravnitel'nogo issledovanija ih tvorčestva i nekotorye soobrazhenija po povodu eshhe odnoj tvorčeskoj svjazi "Russkih nočej" i "Prestuplenija i nakazanja"*. Gumma, 1987.
- Nazirov R. G. Vladimir Odoevskij i Dostojevskij. *Russkaja literatura*. 1974. N 3.
- Odoevskij V. F. *Sočinenija: In 2 vols*. Moscow, 1981.
- Odoevskij V. F. *Zapiski dlja moego prapravnuka*. Moscow, 2006.
- Rozanov V. V. Chaadaev i kn. Odoevskij. *Chaadaev: Pro et contra*. St. Petersburg, 1998.
- Tur'jan M. A. *Russkij "fantastičeskij realizm"*. St. Petersburg, 2013.
- Fridlender G. M. O nekotoryh očerodnyh zadachah i problemah izučenija Dostojevskogo. *Dostojevskij. Materialy i issledovanija*. Leningrad, 1980. Vol. 4.